

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ

УДК 008(091)

Л. М. Архипова

Историко-культурные дискурсы русской триады

Свое внимание к проблеме интерпретации содержания русской триады автор обосновывает заметной актуализацией этой темы в современном общественном сознании. В статье прослеживаются основные этапы эволюции русской триады на протяжении XIV – начала XX в. в связи с изменявшимся историко-культурным контекстом, что позволяет выделить и кратко охарактеризовать ее историософское, идеологическое и политическое содержание. Рефлексия по поводу этих трех основных дискурсов русской триады осуществляется автором на основе синтеза информации первоисточников, а также результатов исследования отдельных аспектов темы, введенных ранее в научный оборот. Привлеченные автором исторические и духовные факты, рассмотренные сквозь призму цивилизационного подхода, позволяют оценить русскую триаду как объективную черту национального культурного самосознания и как исследовательскую парадигму отечественной истории.

Ключевые слова: «православие, самодержавие, народность», духовное освящение власти, патриархальная легитимность, миссия, иерархия, служение.

THEORETICAL ASPECTS TO STUDY CULTURAL PROCESSES

L. M. Arkhipova

Historical and Cultural Discourses of the Russian Triad

The author proves the attention to the problem of interpretation of the content of the Russian triad with noticeable updating of this subject in modern public consciousness. In the article the main stages of evolution of the Russian triad during the XIV – the beginning of the XX centuries are traced in connection with the changing historical and cultural context that allows us to allocate and briefly characterize its historiosophical, ideological and political contents. The reflection concerning these three main discourses of the Russian triad is carried out by the author on the basis of synthesis of information of primary sources, and also results of the research of the certain aspects of the subject introduced earlier into scientific circulation. The historic and spiritual facts, attracted by the author, are considered through the prism of the civilization approach, and they allow estimating the Russian triad as an objective line of national cultural consciousness and as a research paradigm of national history.

Keywords: «Orthodoxy, autocracy, nationality», spiritual consecration of the power, patriarchal legitimacy, mission, hierarchy, service.

На протяжении уже нескольких веков истории нашей страны внешние вызовы играли и продолжают играть роль мощных стимулов к рефлексии по поводу цивилизационных особенностей русской культуры, всякий раз побуждая общественную мысль к противопоставлению «Россия – Запад» как к одной из наиболее распространенных парадигм национального самосознания. При этом неизбежно актуализируются такие понятия, как «национальная идентификация», «русская идея», «русский мир», «русская симфония». Известная триада «православие, самодержавие, народность» не только относится к их числу, но и признается одним из основных культурных концептов нашей

истории. Западноевропейские историки связывали конец русской цивилизации именно с ее крушением, а наши соотечественники – современники этих событий – воспринимали разрыв в этой историко-культурной цепочке как конец Русского мира.

Вместе с тем за два века своего бытования в научной литературе и публицистике «русская триада» интерпретировалась и использовалась по меньшей мере в трех значениях – оригинальной историософии, национальной идеологии и политической доктрины. Уже вследствие разности смыслов, заключенных в интерпретации единства православия, самодержавия и народности, пред-

принятой в разных историко-культурных контекстах, она не может оцениваться однозначно. Актуализация «русской триады» в современном общественном национальном сознании приводит к необходимости проанализировать эти смыслы и оценить степень объективности рассматриваемого единства.

Историософское значение русской триады было обосновано и получило развитие в трудах В. В. Зеньковского, И. В. Киреевского, Ф. А. Степуна, Г. В. Флоровского, В. Ф. Эрн. В основании религиозно-философских взглядов находилась идея всеединства мира, понимание истории человечества как Богобытия. Будучи центральной в сфере христианского мировосприятия, она еще задолго до XIX в. стала частью церковно-религиозной традиции, послужив источником представлений о самодержавии как сакральном явлении, связывающем земное существование людей с волей Царя небесного.

Именно особое восприятие времени как единения его космологической и исторической модели, циклического и линейного, а событий настоящего – как следствия и одновременно отражения предшествующих событий укрепило в религиозном, пронизанном эсхатологическими ожиданиями, сознании людей рубежа XIV–XV вв. надежду и веру в то, что Москва – Новый Иерусалим, Новый Константинополь, святой город, а московский великий князь – новый царь Константин, защитник православия «от варваров» [14, с. 90–95]. В этой идее преемственности миссии и земного Предстояния государя органично слились сюжеты и смыслы ветхо- и новозаветной истории, на что указывали «Послание на Угру Вассиана Рыло» (1480), «Изложение пасхалии» митрополита Зосимы (1492, 1495), «Послания» старца Филофея к царям Василию III и Ивану IV (начало – середина XVI в.). В условиях преодоления Ордынского ига, последствий политической раздробленности и стремления к единству Русской земли представления о наступлении нового исторического цикла послужили источником духовной силы и важным фактором поддержки Церковью московского князя. «Единая ныне соборная апостольская церковь восточная ярче солнца во всем поднебесье светится и один только православный и великий русский царь во всем поднебесье, как Ной в ковчеге, спасшийся от потопа, управляет и направляет Христову церковь и утверждает православную веру..., все царства потопятся неверием, а новое русское царство будет стоять оплотом

православия», – пророчествовал старец Филофей [11, с. 355].

Историками права давно подмечено, что впервые к древнему титулу «великий князь» присоединяется «всёя Руси» при Иване Калите, стремившемся к единодержавию, окончательно же эта развернутая формула утверждается при Иване III в грамотах внешнеполитического значения и вытесняется оттуда новым титулом «государь» с добавлением «Божией милостью». В актах внутреннего управления такая формула власти встречается с начала XVI в. и указывает на теократический характер происхождения – от Бога, а не от подданных. Поскольку все государи присвоили себе подобную форму титула, то для утверждения, что только власть православных государей проистекает из воли истинного Бога, стали употреблять в титуле с времени правления Ивана Грозного так называемое Богословие, то есть краткое изложение православной веры [3].

Единство духовной власти и государственной укреплённой в Московском царстве тенденцией к их слиянию определяется исследователями в широком смысловом диапазоне – от признания русской государственности, начиная с Киевской Руси и до начала XVIII в., как христоцентричной, теократической, как «византийской симфонии властей», через ее оценку как «русской симфонии», при которой наблюдалось гармоничное сотрудничество властей, приводившее к подъему и процветанию страны, до резких суждений о восточной деспотии московских царей, подчинивших себе Церковь [10]. Между тем, историческая феноменология русской власти свидетельствует, что в основании идеологии даже царствования Ивана Грозного, наполненного репрессиями, находился духовно-нравственный императив: «Тщуся с усердием людей на истину и на свет наставить, да познают единого истинного Бога, и от Бога данного им государя» [3]. Обратной стороной неограниченного царского всевластия было не менее твердое осознание им своих обязанностей как несение креста перед Богом: «Аз же убо верую, о всех своих согрешениях вольных и невольных суд прияти ми, яко рабу, и не токмо о своих, но и о подвластных дати ми ответ, аще что моим несмотрением погрешится» [9, с. 171]. Эта идея стала важным принципом монархической теории Московской Руси, отличающим ее от других политических форм – деспотии, тирании.

Духовное освящение государственной власти воплотилось в таинствах венчания на царство, «поставления на архиерея», в порядке выбора

патриарха, в праве царской инициативы при рассмотрении церковного законодательства и его участия в обсуждении церковных законов. Первостепенная роль православного царя в этих действиях со временем несколько не ослабевала, и задолго до Петра Великого, при введении патриаршества в 1589 г., установился порядок, согласно которому царь избирал несколько кандидатов и тайно запечатывал их имена в воск, пересылал церковному собору для избрания по жребию, затем в нераспечатанном виде получал восковой жребий обратно для вскрытия и объявления имени нового патриарха [3]. В Грамоте Собора 1613 г. был ясно выражен самодержавный, сакральный смысл верховной власти в России: «Целовали все Животворящий Крест и обет дали, (...) чтобы избранник Божий, Царь (...) был (...) с ответственностью в Своих делах пред Единым Небесным Царем. И кто же пойдет против сего Соборного постановления – (...) патриарх ли, и всяк человек, да проклянется таковой в сем веке и будущем и отлучен бо будет он от Святой Троицы...» [15].

Очевидно, что веками укреплявшаяся идея самодержавной власти как единственной от истинного Бога стала основой патриархального типа легитимности царей и стержнем русского национального самосознания, что проявлялось и в дальнейшем после удачных попыток государей изменить идеологию самодержавия в духе времени. В нововведениях Петра I практика оставалась православная, а принципы – политические: власть – от Бога, но государство – не мистическое явление, а дело рук человеческих – просветительская идея, воплотившаяся в «Духовном Регламенте», в новом литургическом Чине коронования и таинстве миропомазания [8, с 134–229].

Однако тогда же святитель Димитрий Ростовский в прямом обращении к Петру I выразил полно, ярко и определенно отношение к триаде «Церковь – Царь – подданные». Он активно использовал аналогии между Царством небесным и царством земным, между русской столицей и Сионом, подданными царя Петра и сынами Сионскими, русским царем и царем Давидом. Цитирование псалмов, ссылки на Божественное Писание служили подтверждением идеи о преемственной связи русского царства с ветхозаветным Сионом, что должно было вызвать мысль об особой духовной миссии России в мировой истории, но в еще большей степени – русского самодержца и конкретно Петра I. Именуя царя как «Христа Господня, помазанника Божия, царя земного, христианского православного монарха», он признавал свя-

щенную суть монаршего сана и, следовательно, не мог ее противопоставлять православной Церкви, задача которой – молитвенно поддерживать самодержца. По мысли святителя, царь подобен Христу, преосвященные архиереи – ангелам, князья и бояре подобны лицу высокородных орлов, воинство – лицу львову, а все общество, все народное множество – «лицо телячье, трудолюбно и тщательно носящее бремя повиновения» [13].

Так земная иерархия повторяет иерархию Небесную, о чем спустя сто с лишним лет писал святитель митрополит московский Филарет: Самодержавие – «не устройство людей, а земная копия надмирной конструкции. ... Бог по образу своего небесного единоначалия устроил на земле царя...». Государство воспринималось святителем Филаретом как мистическая сущность, поскольку «участь государств и определяется вечным законом истины, который положен в основание их бытия и который, по мере их утверждения на нем или уклонения от него, изрекает на них суд, приводимый потом в исполнение под всеобъемлющим судоблюстительством Провидения» [2, с. 66, 71]. В XIX в. еще одним воплощением триады стал призыв «За Веру, Царя и Отечество».

Веками повторяемая мысль вошла не только в сознание православных людей, она овладела их душой, обратилась в национально-государственный инстинкт, воплотилась в произведениях литературы, искусства, стала частью религиозной философии. Размышления о власти В. В. Зеньковского точно перекликаются с рассуждениями Ивана Грозного, потому что исходная позиция одна – признание духовного содержания человеческой истории в целом и отдельной жизни в частности: «Если смысл истории – запредельный (подготовка к Царствию Божию), то самый процесс истории, хотя и связан с ним, но связан непостижимо для человеческого ума. Царская власть и есть та точка, в которой происходит встреча исторического бытия с волей Божией» [2, с. 17]. Так самодержавная модель власти неразрывно соединяется с православием и затем находит себе рациональное обоснование в русской политической консервативной мысли, начиная от Н. М. Карамзина через весь XIX в. до Л. Тихомирова, А. И. Ильина, С. Л. Франка.

При этом проблемой отдельного осмысления стала соотнесенность греховной поврежденности человеческой природы земного царя с его высоким призванием, богоизбранностью. Один подход к ее решению развивался в русле разведения понятий – идея и временный ее носитель: «Как свя-

щенник не может своей недостойностью унижить Слово, так и Помазанник, даже будучи по природе грешным и слабым, не может умалить и затмить Свет Невечерний, который отражали порфиры венценосца» [2, с. 70]. Другой – через толкование понятий «долг» и «право» в русле православной этики, обеспечивая устойчивость патриархального и авторитарного типов легитимности власти.

К. П. Победоносцева, наиболее последовательно проводившего аналогии между правами и обязанностями членов государства и семьи, отношениями подданных к царю и детей к отцу, признают глубоким выразителем идей государственного консерватизма. Он утверждал, что духовное значение долга перед семьей или обществом выше общих прав и прав отдельной личности, поскольку исполнение обязанностей сопряжено с подчинением, смирением, то есть с тем, что почитается за проявление высшей добродетели человека. Иррациональное признание абсолютного авторитета в лице Бога влечет за собой осознанное подчинение авторитету государственному, семейному, правовому, общественному. Так складывается понимание народности как важнейшей части русской триады, которая приобретает в таком контексте новое звучание – «Вера, Любовь, Послушание».

Народность – это не только народные обычаи, как определял ее С. С. Уваров, не только «почва», как характеризовал ее Ф. М. Достоевский. В духовной жизни русского общества народность предстает в осознании человеком своего земного пути как смиренного принятия иерархии, а социальной роли – как служения Богу, царю и отечеству. Исследователями крестьянской культуры это признается в качестве характерной черты народного менталитета. Однако можно заметить, что эта черта просматривается как архетипическая, свойственная также представителям русской интеллигенции, военного сословия. Профессора Московского университета в начале XX в. традиционно рассматривали свою миссию в контексте идеологии государственного служения. В торжественных посланиях университетского Совета деятелям науки по случаю юбилеев и знаменательных дат ставились акценты на выполненном «долге перед наукой и своей родиной», а в отношении деятелей искусства отмечались заслуги в деле «служения родному искусству, идеалам добра, самоотвержения и гуманности» [1, с. 145]. Еще более отчетливо эта черта национального самосознания проявляется в источниках личного происхождения, формировавшихся в чрезвычай-

ных обстоятельствах. Например, генерал А. Е. Снесарев во время Первой мировой войны в письмах к жене с фронта выразил свои переживания о том, насколько достойными слугами отечества вырастут их дети. Его гражданское самосознание было неотделимо от религиозного чувства и он беспокоился о своем долге – ведь Бог вручил ему жизни сотен людей [12].

Сын известного славянофила Д. А. Хомяков писал в 1899 г.: «Царь для русского человека есть представитель целого комплекса понятий, из которых само собой слагается, так сказать, “бытовое” Православие. В границах этих всенародных понятий царь полновластен» [2, с. 25]. Об этом свидетельствуют и многочисленные пословицы русского народа о царской власти [4].

Как политическая доктрина русская триада актуализировалась в идее «Москва – третий Рим», подразумевавшей вселенское предназначение православной монархии. Письма старца Филофея были опубликованы в 1860-х гг., и хотя в них по смыслу Рим – это синоним Римской церкви, второй Рим – Константинопольская церковь, а третий – Москва и Успенский Собор в Кремле, где центр Русской православной церкви, тем не менее, в контексте внешнеполитических коллизий второй половины XIX в. «римская теория» приобрела политическое звучание. Рост национально-освободительного движения славян на Балканах сопровождался оживлением общественной жизни в России, созданием славянских комитетов и созывом славянских съездов, проявлениями панславизма.

Ярким примером последнего может служить фрагмент письма представителя религиозно-философского консерватизма К. Н. Леонтьева к историку Т. И. Филиппову от 29 марта 1891 г.: «...мечтаю еще написать и другое: “Союз Восточный и Союз Славянский” (Антитеза: первый – величие и крепость, второй – подражание Италии и Германии; первый – новый период созидания, 2-й – обыкновенная либеральная революция). Членами Союза Восточного под рукой России должны состоять православные королевства: Греция, Румыния, Пансербия, Болгария; 2 мусульманских – Персия и Турция (...) Царьград с надлежащим округом Русское наместничество (Византийское); Соборная централизация Восточных церквей; ... Разумеется, что это возможно только после счастливой и кровопролитной войны, которой, конечно, не миновать – рано или поздно...» [7, с. 498].

Это частное мнение, выразившееся в личной переписке. Заметим, что в официальных документах ссылки на «ромейскую преемственность» монархической власти не использовались для обоснования настолько явно выраженных экспансионистских замыслов. В известной записке А. И. Нелидова Александру III о проливах и Константинополе 1882 г. с исключительно прагматических сторон предлагалось несколько вариантов решения давней геополитической проблемы, включая военный способ. Однако его рассматривали как крайне нежелательный, а Константинополь виделся как суверенный всемирный город с особым статусом, права которого могут быть обеспечены протекторатом России [5].

В заключение необходимо подчеркнуть объективность русской триады, различные смыслы которой не влияют на признание тесной сопряженности православного вероисповедания, самодержавного принципа власти и национального самосознания в духе единства как отличительной черты русской цивилизации. Именно как объективность это воспринималось современниками крушения империи. В 1930 г. Георгий Иванов в эмиграции выразил чувство утраты Родины словами, в которых трагически соединились православие, самодержавие и народность.

Хорошо, что нет Царя.
Хорошо, что нет России.
Хорошо, что Бога нет.
Только желтая заря,
Только звезды ледяные,
Только миллионы лет.
Хорошо – что никого,
Хорошо – что ничего,
Так черно и так мертво,
Что мертвее быть не может
И чернее не бывает,
Что никто нам не поможет
И не надо помогать [6].

Итак, при возможной встрече с рассмотренным концептом в различных текстах полезно различать его культурно-исторические дискурсы и уже на этой основе формировать собственную исследовательскую и гражданскую позицию.

Библиографический список

1. Академик М. К. Любавский и Московский университет [Текст] / М. К. Любавский. – М. : Издательский дом «Парад», 2005. – 280 с.
2. Боханов, А. Н. Самодержавие. Идея царской власти [Текст] / А. Н. Боханов. – М. : Русское слово, 2002. – 352 с.
3. Владимирский-Буданов, М. Ф. Обзор истории русского права. – 2 изд. – Киев, 1888 [Электронный

ресурс] / М. Ф. Владимирский-Буданов. – Режим доступа:

<http://dugward.ru/library/gosipravo/vladimirskiy-budanov.html#velik> Проверено 25.11.2015.

4. Даль, В. И. Пословицы русского народа [Электронный ресурс] / В. И. Даль. – Режим доступа: <http://www.rodon.org/dvi/> Проверено 25.11.2015.

5. Записка А. И. Нелидова [Электронный ресурс] / А. И. Нелидов. – Режим доступа: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/> Проверено 25.11.2015.

6. Иванов, Г. Хорошо, что нет Царя [Электронный ресурс] / Г. Иванов. – Режим доступа: <https://ru.wikisource.org/wiki> Проверено 25.11.2015.

7. Из писем К. Н. Леонтьева Т. Н. Филиппову [Текст] // «...И даны будут жене два крыла»: сборник к 50-летию С. Фомина / С. В. Фомин. – М. : Паломник, 2002. – 703 с.

8. Живов, В. Из церковной истории времен Петра Великого: исследования и материалы [Текст] / В. М. Живов. – М. : Новое литературное обозрение, 2004. – 360 с.

9. Каравашкин, А. В. Автор, текст, читатель: проблема творческой индивидуальности в русской публицистике XVI в. (послания Ивана Грозного) // АСТЮ NOVA 2000 [Текст] / А. В. Каравашкин. – М. : Глобус, 2000. – С. 157–210.

10. Митрополит Иоанн (Снычев). Русская симфония: очерки русской историософии [Текст] / Иоанн Снычев. – СПб. : Царское Дело, 2004. – 494 с.

11. Послание Филофея, старца Псковской Елизаровой пустыни, к царю и великому князю Ивану Васильевичу всея Руси [Текст] // История государства Российского: Замечательные памятники великой эпохи (источники) / сост. Е. Миронов. – Кн. 2. – М. : Книжная палата, 1998. – С. 354–356.

12. Снесарев А. Е. Письма с фронта. 1914–1917 [Текст] / А. Е. Снесарев. – М. : Кучково поле. Беркут, 2012. – 800 с.

13. Сочинения Святого Димитрия митрополита Ростовского [Электронный ресурс] / Св. Димитрий митрополит Ростовский. – Режим доступа: http://zargradet.ru/?page_id=4565 Проверено 25.11.2015.

14. Успенский Б. А. Этюды о русской истории [Текст] / Б. А. Успенский. – СПб. : Азбука, 2002. – 480 с.

15. Утвержденная Грамота Великого Всероссийского Собора 1613 года [Электронный ресурс] // Грамота Великого Всероссийского Собора. – Режим доступа: <http://gosudarstvo.voskres.ru/kirienko.htm> Проверено 25.11.2015.

Bibliograficheskij spisok

1. Akademik M. K. Ljubavskij i Moskovskij universitet [Tekst] / M. K. Ljubavskij. – M. : Izdatel'skij dom «Parad», 2005. – 280 s.
2. Bohanov, A. N. Samoderzhavie. Ideja carskoj vlasti

[Tekst] / A. N. Bohanov. – M. : Russkoe slovo, 2002. – 352 s.

3. Vladimirskij-Budanov, M. F. Obzor istorii russkogo prava. – 2 izd. – Kiev, 1888 [Jelektronnyj resurs] / M. F. Vladimirskij-Budanov. – Rezhim dostupa: <http://dugward.ru/library/gosipravo/vladimirskij-budanov.html#velik> Provereno 25.11.2015.

4. Dal', V. I. Posloviy russkogo naroda [Jelektronnyj resurs] / V. I. Dal'. – Rezhim dostupa: <http://www.rodon.org/dvi/> Provereno 25.11.2015.

5. Zapiska A. I. Nelidova [Jelektronnyj resurs] / A. I. Nelidov. – Rezhim dostupa: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/> Provereno 25.11.2015.

6. Ivanov. G. Horosho, chto net Carja [Jelektronnyj resurs] / G. Ivanov. – Rezhim dostupa: <https://ru.wikisource.org/wiki> Provereno 25.11.2015.

7. Iz pisem K. N. Leont'eva T. N. Filippovu // «...I dany budut zhene dva kryla»: sbornik k 50-letiju S. Fomina [Tekst] / S. V. Fomin. – M. : Palomnik, 2002. – 703 s.

8. Zhivov, V. Iz cerkovnoj istorii vremen Petra Velikogo: issledovanija i materialy [Tekst] / V. M. Zhivov. – M. : Novoe literaturnoe obozrenie, 2004. – 360 s.

9. Karavashkin, A. V. Avtor, tekst, chitatel': problema tvorcheskoj individual'nosti v russkoj publicistike XVI v.

(poslanija Ivana Groznogo) // ACTIO NOVA 2000 [Tekst] / A. V. Karavashkin. – M. : Globus, 2000. – S. 157–210.

10. Mitropolit Ioann (Snychev). Russkaja simfonija: ocherki russkoj istoriosofii [Tekst] / Ioann Snychev. – SPb.: Carskoe Delo, 2004. – 494 s.

11. Poslanie Filofeja, starca Pskovskoj Elizarovoj pustyni, k carju i velikomu knjazju Ivanu Vasil'evichu vseja Rusi [Tekst] // Istorija gosudarstva Rossijskogo: Zamechatel'nye pamjatniki velikoj jepohi (istochniki) / sost. E. Mironov. – Kn. 2. – M. : Knizhnaja palata, 1998. – S. 354–356.

12. Snesev A. E. Pis'ma s fronta. 1914–1917 [Tekst] / A. E. Snesev. – M. : Kuchkovo pole. Berkut, 2012. – 800 s.

13. Sochinenija Svjatogo Dimitrija mitropolita Rostovskogo [Jelektronnyj resurs] / Sv. Dimitrij mitropolit Rostovskij. – Rezhim dostupa: http://zargradet.ru/?page_id=4565 Provereno 25.11.2015.

14. Uspenskij B. A. Jetjudy o russkoj istorii [Tekst] / B. A. Uspenskij. – SPb. : Azbuka, 2002. – 480 s.

15. Utverzhdenaja Gramota Velikogo Vserossijskogo Sobora 1613 goda [Jelektronnyj resurs] // Gramota Velikogo Vserossijskogo Sobora. – Rezhim dostupa: <http://gosudarstvo.voskres.ru/kirienko.htm> Provereno 25.11.2015.